

нулись. В 1938 была возможна лишь война безропотная и без иллюзий...».

\*  
\*\*

Таковы главные течения французской мысли после Мюнхена, но мы отметили лишь ее самые характерные черты, ибо невозможно в журнальной статье изложить хотя бы часть этого чрезвычайно богатого и, как видно, разнообразного материала.

Добавим в заключение, что мы пытались подвести итоги этой мысли, сознательно воздерживаясь от выводов. Не нам судить о судьбе Франции и о путях, которые она должна избрать. Ибо каждый народ имеет свой гений, и иностранец всегда рискует жестоко ошибиться, так или иначе его оценивая. Но ясно одно: что Франция пробудилась, что она жаждет возрождения и укрепления своих сил; за истекшие после Мюнхена, и особенно после второго раздела Чехословакии месяцы, она проделала огромную работу, технически и морально перевооружилась. В тоже время, она осталась верной своей демократической традиции, духовным богатствам своей культуры, свободолюбию и гуманности своего народа.

Елена Извольская.

---

## ПУТИ ИЗРАИЛЯ

Еврейская проблема становится в наши дни самым грозным и жутким вопросом современного сознания. Поднимающиеся волны антисемитизма страшны и опасны вовсе не только для евреев. Они являются грозным испытанием всего современного сознания. Однако, нужно сказать, что это способствует тому, что сама проблема разворачивается с необыкновенной силой и глубиной, она перемещается на какую-то новую плоскость, получает новую постановку и новое освещение. Сам этот антисемитизм становится глубоко симптоматическим явлением. Под поверхностью разыгравшихся стихий неведомо совершается нечто гораздо более существенное, значительное и решающее чем весь этот шум поднятый вокруг «еврейского вопроса». И прежде всего становится очевидным, что антисемитизму недостаточно противопоставить нравственную и правовую идею, что надлежит искать ответ на всю трагедию Израиля в его таинственной связи с судьбами мировой истории.

Существует несколько типов отношения к еврейской проблеме. Для социолога, экономиста, для историка права или культуры еврейство остается социальной, или экономической или юридической категорией... Современный расистский натурализм превращает весь вопрос в

биологию. Антисемитизм в наши дни пользуется преимущественно расовыми аргументами, однако, часто лишь прикрывая этим свои злобно-ненавистнические чувства, свой *ressentiment*... Не буду говорить о том подходе к еврейской проблеме, который стал главным источником бредовых идей, о «еврейском заговоре», «сионских мудрецах», «кидо-масонах» и т. п. — сказка или, вернее, «кровавый навет», все еще смущающий некоторые умы.

Но за последнее время и притом не без связи с новой волной кровавого гонения на евреев, возрождается иное восприятие проблемы, возникает сознание ее религиозно-метафизического и онтологического значения... Израиль, «разбросанный и рассеянный, в преткновение и соблазн всем народам» (книга Есфирь, 3 гл., 8 ст.), всегда был гоним и распинаем; никогда не прекращалась литься кровь еврейского народа, но, быть может, никогда он не распинался так, как распинается ныне. И сам этот факт заставляет нас углубиться, задуматься над тем, что есть какая-то тайна Израиля, что существуют таинственные, мистические пути и судьбы Израиля, всего еврейского народа, а не отдельных только евреев, что существует трагедия Израиля, которая может быть постигнута лишь религиозно.

Еврейский народ не есть народ лишь в расовом, этническом, племенном смысле этого слова; он не представляет собою и просто исторической единицы, характеризуемой особой социальной и политической жизнью. Его судьба определяется включенностью в духовные судьбы всей мировой истории, в центре которой он имеет свое особое призвание — быть народом Божиим, избранным народом, «святым Израилем». «Ты Израиль, раб Мой, Иаков, которого Я избрал, семя Авраама, друга Моего, ты, которого Я взял от концов земли, и призвал от краев ее, и сказал тебе: ты Мой раб, Я избрал тебя и не отвергну тебя» (кн. прор. Исайи, гл. 41, ст. 8-9); «Я Господь, призвал тебя в правду и буду держать тебя за руку и хранить тебя, и поставлю тебя в завет для народов, во свет для язычников» (там же, гл. 42, ст. 6). Бытие еврейского народа заключается в его миссии, в его особом религиозном служении. Самым существенным и значительным признаком еврейского народа является его религиозность. Израиль по существу не простое единство единоплеменников, а единство детей Авраамовых, единство народа, избранного Богом, носящего на теле своем печать вечного Завета с Богом. Это Богом освященное и скрепленное единство сильнее и глубже, чем всякое естественное, натуральное и даже культурное единство. Можно сказать, что единство и целостность Израиля имеет свое подобие лишь в мистическом единстве «общения святых» (*coinonia ton agion*). — в единстве Церкви. Израиль — это священная земля, Царствие Божие, — однако, лишь в обетовании, взыскуемое, но не обладаемое... Величайший смысл самой еврейской культуры в том, что она насквозь религиозна

и вне религии не объяснима. Этого могут не сознавать отдельные евреи; могут быть евреи, сознательно ни во что не верующие или верующие в плоскую религию позитивизма и материализма. Тем не менее и такой еврей остается религиозным евреем, и в душе его не угасает огонь веры. Он всегда хранит в себе пламенный, устремленный к последнему и абсолютному, ни перед чем не останавливающийся религиозный порыв... В конце концов, ненависть мира к евреям есть ненависть к их жажде и вожделению абсолютного. Израиль существует в мире, чтобы возбуждать его, раздражать, приводить в движение; он беспокоит мир, не дает ему уснуть духовно; он вносит тревогу, неудовлетворенность, распаляет жажду по вечному и абсолютному и тем самым как бы ускоряет движение истории. Даже в тех наиболее отрицательных и отталкивающих свойствах еврейства, в его самодовольстве и тщеславии, в его жадности и сребролюбии, вызывающих у многих справедливое отвращение, есть своя глубина, сокрытая, разумеется, от тех, для которых все в мире плоско и бессмысленно. Ведь, еврей и в экономизме и маммонизме ищет утоления своей духовной жажды и муки. Деньги имеют особую, таинственную, притягательную силу для него: деньги — это самый страшный и злобеший символ, как бы бледная тень проданного и распятого Мессии. Об этом с изумительной силой говорит Léon Bloy. Деньги — это кровь Бедняка, Нищего, ставшая великим знаменем — цена Неоцененного. И Израиль уже не может отвести руки от того, что запечатлено кровью Распятой Любви.

Итак, мир ненавидит тоску Израиля, его духовное скитание, его алкание и жажду, его мучения и вопрошания и, в конце концов, его призвание. *Odium generis humani*. Но эта ненависть мира есть слава Израиля, она лишь распаляет тоску его и жгучую надежду на грядущее. В этой надежде вся сила жизни Израиля, он создан для нее, для страстной надежды, чаяния и упования грядущего, — явления Бога на земле. Израиль хочет, вечным, безумным хотением, правды Божией в мире, в этой жизни, *hic et nunc*, он взывает Града Божия. И пока нет его, томлением и тревогой исполнено его сердце. Как при реках вавилонских, Израиль стелает и рвется на встречу Иерусалиму и в пророках своих зовет к нему, к Граду Божию и страшной Славе его. «Если забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя. Прилипли язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе весения моего. Припомни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда говорили они: «разрушайте, разрушайте до основания его». Дщерь Вавилона, окающая! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» (Псалом 136)... Пусть услышат это современные гонители Израиля и узнают, что эти слова, исторгнутые из растерзанного сердца, суть глаголы гнева Божия. Это не вялые, «травоядные» речи «гуманистических» апологий иудей-

ства, а слова, от которых могут затрещать стены «Вавилона», слова, которых уже нельзя отмыть, которые не останутся тощими, ибо звучат в вечности, звучат и ныне, когда вновь Израиль «при реках вавилонских», в изгнаничестве и страдании, когда давит его неодолимый напор наглого хохота над всеми святынями его, пад всеми молитвами и вздохами, над судьбою и крестом его.

Но тут и вырастает вопрос о смысле судеб Израия и его религиозной трагедии. Мы видели, что истинная сущность израильтва не в племенных, национально-этнических признаках, а в том, что оно есть насквозь религиозная и от религии не отделимая, богословски-онтологическая категория, включенная в глубину мировой истории, в само бытие человечества. Существует некая таинственная связь Израия с миром, подобная связи Церкви с миром. Израиль есть прежде всего священный центр, в котором сошлись все нити, все лучи Божественного откровения и сосредоточились все природные и благодатные силы, необходимые для явления в Израиле Мессии, для принятия миром Бога, которого взыскует и жаждет он... Именно еврейству присуще напряженное чувство явления, откровения, воплощения вечного во времени, открыта та благодатная, но и страшная близость человека к Богу, которая есть основа знания, жизни и бытия. Это свойственно не только ветхозаветному религиозному сознанию, но встречается у всех почти еврейских писателей и мыслителей. В сущности, Израиль бессознательно всегда ожидал, что Бог должен быть «рожден»; в этом ожидании, неугасимом и жадном — его миссия, его задача. Он до того возлюбил и постиг существо рождения, жизнь в глубине ее завитков, там, где она касается «звездного неба», что верил — Бог освятит тем, что через него и в нем воплотится. Вообще обычное представление о том, что весь пафос юдаизма в трансцендентности Бога миру, при которой Он проявляет Себя к нему лишь как Судия и Законодатель, в которой Он соединен с человеком внешне только, внешне для него «заветом», причем вся ветхозаветная религия превращается в мораль, — такое представление должно быть признано совершенно неверным. Такой дуализм с неодолимой необходимостью должен приводить к отрицанию всякого знания о Боге, и даже сомнению в том, есть ли вообще Бог, и не существует ли только человек со своими человеческими представлениями и догадками о Боге. Однако весь Ветхий Завет, начиная с первых страниц Книги Бытия есть прямое опровержение этого. Для Израия вечность всегда соотносительна времени, быванию, воплощается во времени и во временном, в конкретном, историческом, земном. Бог есть как бы «фокус» истории, входит в нее и ее определяет. Именно еврейский народ создал чрез своих пророков философию истории, осмыслил, онтологизировал историю, увидел ее как «Священную Историю», как богооткровенный, бого-человеческий процесс, ведущий прямо к боговоплощению и, так сказать, предрешающий его... В условиях времени

и пространства, в священном центре — Израиле и подлежало совершиться «началу» спасения всего мира, той встречи Бога с миром, которой так жадно искал Израиль. «Спасение соделал еси посреди земли». Израиль в этом смысле имеет совершенно исключительное, единственное значение: он, так сказать, не сам по себе, а для других, он тот, через кого надо «пройти». Он как бы не знает в себе предела, остановки, хотя в Ветхом Завете и был соблюдаем Промыслом Божиим в замкнутости, собранности и уединении, а представляет собою известное «между», в котором и через которое история начинается, ширится до беспредельности бытия и достигает вечности. Именно юдаизму ведома тайна исторической онтологии, откровения Бога в истории, совершающегося и «воплощающегося» бытия. В этом мессианство еврейского народа, которое и могло осуществиться, реализоваться лишь в том абсолютном откровении Бога, которым явилось боговоплощение. Если Божественный центр, святая основа истории — в Израиле, то эта «центральность» его стала осуществленным, конкретным, историческим фактом в бого-человеческом акте Рождества Христова. Поэтому само существование богоизбранного народа есть уже потенциальное Богочеловечество, тот «святой пачаток» в отношении к «целому», «корень, держащий все», о котором говорит ап. Павел (Посл. к Римл., 11 гл., ст. 16,18). «От Сиона выйдет закон и слава Господня от Иерусалима» (Кн. Прор. Исая, гл. 2, ст. 3). И Христос говорит: «Спасение от иудеев» (Еванг. от Иоанна, 4 гл., 22 ст.).

Израиль является в этом смысле подлинным символом, живым прообразом Церкви — Тела Христова, тем телом, в которое воплощается мистическое Тело Христова.<sup>1)</sup> Вот смысл известной святоотеческой мысли о том, что Ветхий Завет есть прообраз, символ Нового Завета, что Новый Завет есть осуществление и исполнение Ветхого Завета. Однако, образ существует не вне прообраза, а в нем и через него. Прообраз — это существо, основа, энтелехия образа, осуществляющего и реализующего ее. Ветхий Завет вечен, ибо он вмещается в Новый Завет, вечно пребывает в памяти Божией и в памяти человеческой, в памяти Богочеловеческой. В этом смысле непреложности, неотменности, нерушимости призвания избранного народа (Посл. к Римл., 11 гл., 29 ст.), хотя бы и отверг он пришедшего Мессию, в этом смысле вечного значения Израилья. И Христос Богочеловек, «Слава Израилья», пребывает Израильянином. Его израильство не растворяется, не уничтожается в Его всечеловечестве, которое вовсе не есть абстрактная универсальность, а лишь преодоление ограничен-

<sup>1)</sup> В этой связи необходимо указать на образ Пресвятой Девы Богородицы, вместившей и сосредоточившей в себе всю богообрученную ветхозаветную святость Израилья. В ней, несомненно, приоткрывается вся тайна, весь смысл и значение Богоизбранности еврейского народа (на это указал В. Н. Ильин в своей интересной статье «Христос и Израиль», «Путь» № 11).

ности и узости. Само Бого-человечество есть поэтому и Бого-израильство, — непризнание чего ведет нас в туники монофизитства и докетизма. Тут снова открывается тайна неразрывной связи судьбы всего человечества с судьбою Израиля. Ибо Царь Израилев есть вместе с тем Царь всех народов..

Однако, если так близка онтологически и неразрывна связь израильства с христианством, судьбы Израиля и судьбы новозаветного человечества, если само израильство раскрывает себя, свою подлинную сущность в христианстве, то что же означает отвержение Христа Израилем, неприятие собственного же Мессии, что значит то страшное и как бы уже навеки звучащее «распи Его», возведшее на крест Спасителя мира? Мы находимся здесь пред лицом невероятной, небывалой, единственной в мире трагедией, перед которой в бессилии разрывается ум и сознание человеческие. Тут величайшая тайна, на которую мы, однако, не можем закрывать глаза, от которой мы не вправе отгораживаться. Мы должны заглянуть в глубь этой тайны, хотя все здесь грозит бездной; нет иного места, которое содержало бы такие ответы, какие находит человек здесь, подходя к средоточию мировой трагедии. Но и для Израиля нет иных путей, как лишь путь осознания этой тайны. Пусть те, которые боятся бездны и под тем или иным предлогом отворачиваются от прямых и мучительных вопросов, знают, что нет иного исхода из конфликтов судьбы Израиля, как только этот мучительный и небезбездный. Нам надо спуститься в эту «тьму крошечную» падения и отвержения, христорства и богоборства взрывающих самые недра Израиля, чтобы сквозь обступающую мглу узреть Лик Христов, здесь и, быть может, только здесь светящийся.

Итак, Израиль распял Христа, распял в безумном, самоубийственном самоотречении своего Единого Ближнего, своего собственного Мессию. Вот источник трагической судьбы Израиля, его «проклятия» и вместе с тем источник внутренней, религиозной трагедии всякой еврейской души. Само отвержение Мессии раскрыло эту трагедию и состояние Израиля ныне и есть само отрицание Богочеловека, кровь которого «на нас и на детях наших». И кровь эта горит мучительно и больно на челе сынов Израилевых. Кто утолит эту страшную боль? Но Израиль сам себя предал на распятие. Ему надлежало в вольной муке взойти на Голгофу и умереть, как природное, натуральное тело Мессии, как человечество Богочеловека, дабы свершилась тайна домостроительства спасения. И что иное значит безумный вопль сынов Израиля «распи Его, распни», как не «распи, распни себя»; но распни себя, не себя ради, а страданий ради погибающего мира. Чтобы себя распять, чтобы воздеть на главу свою венец терновый, чтобы вонзить копье и себя разгвоздить на кусочки — и веры не надо. Потому сам Израиль и есть крест на котором распят Сын Божий, крест спа-

сения мира. Вот где тайна с ее бесконечным, бездонно глубоким смыслом. О ней то и вещает в великом дерзновении ап. Павел: «Неужели Бог отверг народ Свой? Никак... Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал... Что-же? Израиль, чего искал, того не получил? Никак. Но от их падения спасение язычникам... Если же падение их богатство миру, и оскудение их богатство язычникам, то тем более полнота их... Ибо, если отвержение их примирение мира, то, что будет приятие, как не жизнь из мертвых? Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей отломались, а ты, дикая маслина, привился на место их, и стал общником корня и сока маслины, то не превозносишь пред ветвями; если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, а корень тебя... Ибо, если ты отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине. Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется, как написано: «Приидет от Сиона Избавитель и обратит нечестие от Иакова; и сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их» (Исаия, 59, 20-21). В отношении к благовестию они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божии ради отцов. Ибо дары и призвания непреложны» (Посл. к Римл., 11 гл., ст. 1-29).

Если избрание совершается силою Божественной любви, премудрости и всемогущества — оно не может оказаться ошибкою, не может не «оправдать» себя, так сказать, не удался, но «оправдывается» и осуществляется, как ни страшно это сказать, в самом неприятии Христа, в распятии Его. Таков прямой смысл и слов ап. Павла. Это надлежит принять, хотя принять не значит утвердить как должное и правильное само отвержение Христа Израилем... Однако и в избрании Израиль остался свободным, ему как бы ввергались его собственные судьбы и в них судьбы всего мира, в которых надлежало совершиться домостроительству спасения. Он свободно, в вольной муке взял на себя проклятие крови Христовой, избрал страшный жребий, уготованный ему Промыслом Божиим. «Страшно впасть в руки Бога Живого», ибо они всякому даруют, чего возжелает душа его... И Израиль принял крест. Крест его и распятие продолжается донныне, как и Христос донныне распинается, хотя и воскрес и воссел одесную Отца. Вот судьба и пути Израиля. Он обречен на муку отверженности, изгнанничества и рассеяния, — «доколе не войдет число язычников». Доколе сам в великий день последнего свершения не снимет со креста распятого Богочеловека, в котором сам себя дал на распятие, которого, ведь, алкал и когда гнал, которого любил и когда распинал, своего Мессию, своего Спасителя; да и не мог не любить, ибо неизбежно, неудержимо жаждал Его... Так в измученном плыне, изъяз-

вленном лике Израиля зрится поруганный, оплеванный, окровавленный Лик Того, кто назвал Себя Царем Израилевым. Но если сам Израиль распят для мира, то Господь возлюбил, быть может, и муки христорборства Своего народа и в самих этих муках дарует уже прощение Своей любви, милующей и спасающей. Ведь, возлюбил же Он Иакова, который боролся с Ним в таинственную ночь, и не отпустил, пока не получил благословение. И если избрание непреложно, неотъемлемо, нерушимо, если Израиль пребывает в вечной памяти и вечной любви Божьей, то Христос в нем и с ним, и он восстанет подобно христорборцу Савлу, сердце которого в самом христорборстве тайло в себе Христово воскресение... «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!... Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь» (Римл., 11, 33-36).

Евгений Ламперт.

---

## О ТРЕТЬЕМ СОЦИАЛИЗМЕ

Прошли детские годы фашизма: он больше не подающий надежды ребенок. В Италии режиму 17 лет; возраст уже подсудный. И в Германии отпразднована первая пятилетка: «ребенок» уже научился говорить. Но бросим метафоры. Факт тот, что фашизм притянут к ответу. В кредит ему больше не верят. А в России, -- но, подлинно, можно ли сегодняшшний строй назвать фашистским?

Сближение диктатур Сталина, Гитлера и Муссолини стало банальным. С другой стороны, «фашизм» часто берется слишком широко. Посмотрите на любую «антифашистскую» афишу. Чего там только не сваливается в общую грудку под кличкой «фашизм»: и «реакция» (это уж обязательно), и «клерикализм». Словом: поп, буржуй и городской.

Чтоб внести ясность в спор, скажем сразу, что проблема имеет два (по крайней мере, два) самостоятельных аспекта: политический и экономический. Нам, придется нарочито разделять то, что в общезитии смешивается, и каждый аспект разбирать отдельно.

Политически, мы определим фашизм, как однопартийную, тоталитарную диктатуру. И еще уточняя, добавим: фашизм есть диктатура гражданская (а не военная, — в этом новизна), политическая или идеологическая (то-есть не религиозная); ее база — средние классы; хотелось бы сказать — диктатура мещанства, если бы «мещанство» не получило специфического оттенка. Из этого определения, например, следует, что ни Японию, ни Португалию, ни